

An aerial photograph of a dense tropical jungle. In the upper portion of the frame, a B-29 Superfortress bomber is seen from a high angle, flying towards the viewer. Several figures are visible hanging from the wings and fuselage of the aircraft. In the lower foreground, the tail fin and part of the fuselage of another aircraft, likely a missile or a different bomber, are visible, pointing towards the center of the image. The jungle below is lush with green trees and some small structures are scattered throughout.

Олег Рычков

Желтый горизонт

Олег Рычков

Желтый горизонт

<https://litres.ru/74199409>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сбитый над джунглями транспортник ООН. Официальная задача «Вектора» — эвакуировать черный ящик и выживших пилотов до того, как их захватит любой из фронтов. Неофициальная задача Рогова — изъять из черного ящика зашифрованные данные о тайных полетах западных золотодобывающих компаний, чтобы использовать их как рычаг давления. Проблема в том, что место крушения находится ровно на стыке территорий трех враждующих фракций.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Желтый горизонт

Глава

Желтый Горизонт

«Африка — это не страна, где можно что-то исправить. Это место, которое исправляет тебя».

Глава 1. Аэропорт Нтамбу

Резина шасси взвизгнула по растрескавшемуся бетону, и турбины затихли, оставив

после себя только звон в ушах и низкочастотный гул раскаленного воздуха. Илья

отстегнул ремни, вдохнул полной грудью через открытый рампу и тут же пожалел об

этом. Вонь авиационного керосина смешивалась с запахом гниющих фруктов, жженой резины и чего-то сладковатого, похожего на паленую шерсть. За бортом АН-12 шевелилось море красно-бурой пыли. Харматтан. Местные называли его

«дыханием демона», и сейчас демон дышал прямо в лицо.

Грузовой отсек был забит ящиками с маркировкой «Гуманитарная помощь ООН». Под

брезентом угадывались угловатые силуэты — не консервы и не медикаменты. Стволы.

Старые советские АКМ из болгарских арсеналов, которые ЧВК «Вектор» выкупала по цене металлолома, чтобы перепродать втридорога местному правительству. Бизнес всегда начинался еще до того, как нога касалась земли.

Илья спрыгнул на бетон. Подошвы тяжелых ботинок подняли облачко красной взвеси. Солнце висело над взлетной полосой тусклым медным тазом, выжигая последние остатки кислорода. Температура в тени наверняка перевалила за сорок.

— Громов? Кэп?

Голос прозвучал откуда-то сбоку, от облезлого терминала, сложенного из желтого песчаника. У стены стояла заляпанная грязью белая «Тойота Хайлюкс» с самодельными стальными решетками вместо окон. Капот был перетянут синей изолентой в трех местах. Из-за руля махал рукой тощий темнокожий парень в выцветшей бейсболке «Найк».

— Муса? От «Плантации»? — Он самый, брат. Багаж есть? Только ручной? Это хорошо.

Таможня сегодня злая, шакалы требуют свою долю мяса. Если увидят контейнеры, заберут половину, а вторую сломают при погрузке.

Пока они закидывали два объемных рейдовых рюкзака в кузов, к самолету уже подъехал раздолбанный пикап местной полиции. Из него высыпались люди в мешковатых камуфляжах, размахивая старыми китайскими автоматами Тип 56.

Начался привычный африканский ритуал: летчики передавали офицеру плотный конверт, полицейские лениво пинали ящики с оружием, делая вид, что проводят досмотр, а потом все вместе пошли пить теплую газировку под навесом.

— Поехали, пока эти гиены не решили проверить частную машину, — бросил Муса, заводя мотор с третьего оборота. — Двигатель капризный, любит внимание. Как женщина.

Они вырвались с территории аэропорта на главную дорогу столицы. Город Нтамбу выглядел как декорация к фильму о конце света, которую забыли разобрать после съемок. Разбитый асфальт переходил в рыжую грунтовку без предупреждения. По улицам текла канализация, в которой плескались голые дети и бродили истощенные козы. Витрины магазинов были забраны толстыми ржавыми прутьями. На каждом

перекрестке стояли блокпосты из мешков с песком, украшенные человеческими черепами или пучками сухой травы для отпугивания злых духов.

На одном из поворотов движение встало намертво. Причиной была туша

перевернувшегося бензовоза. Черная вязкая лужа вытекала прямо в сточную канаву, а вокруг нее танцевал человек. Голый по пояс, со вспоротым животом, из которого свисали сизые петли внутренностей, он смеялся, кружился в грязи и пел что-то

гортанное. Кровь смешивалась с дизтопливом. — Тив-Тив, — пояснил Муса, равнодушно объезжая препятствие по тротуару, едва не сбив лоток с жареными

кузнечиками. — Обкурился красного порошка. Говорит с духами дорог. Хороший знак, значит, патрулей повстанцев сегодня будет мало. Они боятся сумасшедших.

База «Плантация» находилась в сорока километрах к северу. Дорога превратилась в

стиральную доску. Зубы Ильи ныли от постоянной вибрации, а шея затекла от

попыток удержать голову на весу, когда машина проваливалась в очередную

колдобину. Справа тянулась бесконечная саванна — выгоревшая до желтизны трава

высотой в человеческий рост, редкие зонтичные акации и скрюченные баобабы, похожие на мертвые корни, торчащие из преисподней.

Машина свернула с основной трассы на проселок, проехала мимо полусгнившего

знака «Осторожно, мины!» на ломаном французском и уперлась в ворота из сетки-рабицы, обмотанные колючей проволокой. Рядом в землю была вкопана старая

зенитка ЗУ-23-2 без стволов — ее использовали как грузовую стрелу для подъема

тяжестей на второй этаж.

Их встретил охранник-славянин с рыжей бородой, закрывающей половину лица.

Вместо приветствия он молча ткнул пальцем в сторону длинного жестяного ангара.

Над дверью скотчем была приклеена распечатка на принтере: «СКЛАД РТО. НЕ

КУРИТЬ. ОСОБЕННО БОЕПРИПАСЫ».

Внутри пахло оружейной смазкой, нестиранными носками и дешевым растворимым

кофе. Под потолком гудели три напольных вентилятора, гоняя по кругу густой, горячий

воздух. Группа сидела на пластиковых ящиках из-под патронов.

Первым поднялся Якут. Невысокий, жилистый мужик с лицом, выдубленным

морозами и солнцем. Его СВ-98 стояла в углу, бережно обернутая в промасленную

тряпку. — Прибыл, командир, — констатировал он, протягивая широкую ладонь.

Рукопожатие было твердым, как доска. — Докладывая обстановку, — Илья сбросил

рюкзак на пол и достал планшет. — Ситуация стабильная, то есть хреновая, —

усмехнулся Якут, обнажая металлические коронки. — Правительственные войска

сидят в городе, боятся высунуть нос. Народный фронт контролирует алмазные копи

на востоке. Картель держит реку и западную границу. Между ними — ничья земля.

Наша плантация находится ровно в центре этой задницы. Вчера ночью минометный

налет. Один восьмидесятидвух миллиметровый подарок упал во двор, убил двух

местных сторожей. Забор покосило.

Из подсобки вышел Док. Выглядел он так, словно провел последние полгода в запое

и тропической лихорадке одновременно: бледный, худой, с красными глазами. На

шее болталась ларингофонная гарнитура, а в руках он нервно крутил старый стальной

зажим Пеана. — А вот и наша головная боль явилась, —

прохрипел медик. — Илья, загляни ко мне через час. Сделаю укольчик от любви к Африке. Малярия здесь

цепляется быстрее, чем триппер в портовом кабаке. И таблетки, что тебе дали в

Москве — выбрасывай. Это мел. Местные штаммы их давно сожрали и попросили

добавки. Я привез нормальный артемизинин.

Следом показался Бурят. Огромный бурят-монгол с пулеметом Печенег, который

казался в его руках игрушечным. Он широко улыбнулся: — Чай будешь, капитан? У

меня зеленый плиточный остался, настоящий. Водой из фильтра заварим. После

самолета горло дерет. — Буду. Седой где? — Спит, — мотнул головой Якут в дальний

угол ангара. — Всю ночь растяжку ставил вдоль периметра. Устал старик.

Подрывник Седой действительно дремал на спальнике, положив под голову коробку

с детонаторами. Ему было далеко за пятьдесят — единственный гражданский

специалист в группе, ветеран Афганистана. Такие, как он, видели слишком много

войн, чтобы бояться новой.

Илья подошел к столу, расстелил карту местности, прижать края пустыми

магазинами. Красные штрихи карандашом обозначали зоны контроля банд, синие — правительственных сил. Белых пятен почти не осталось. Телефон спутниковой связи Iridium, лежавший на краю стола, разразился резким треском входящего вызова. Экран мигал надписью: *ШТАБ (РОГОВ)*.

Илья нажал кнопку приема. Шипение помех, а затем — бодрый, абсолютно стерильный голос куратора, находящегося сейчас в кондиционированном офисе в

Москва-Сити: — Первый, доложи статус прибытия. Погода нормальная? Мы видим

пыль на спутнике, датчики качества воздуха просто в ужасе. — Прибыл, акклиматизируюсь, — сухо ответил Илья, глядя на потное лицо Бурята, жадно

пьющего воду из горлышка канистры. — Потерь нет. Что по задаче, Юра? Мне

обещали брифинг сразу на земле. — Брифинг простой, — голос Рогова стал

серьезным, деловым. — Двадцать часов назад транспортный CASA C-295

миротворцев зацепил тепловой ловушкой и ушел в штопор. Координаты падения ты

видишь на своей карте, квадрат Дельта-четыре. Задача группы: выдвинуться туда

пешим порядком, исключить контакт с местными фракциями, найти аварийный регистратор полетных данных. Содержимое черного ящика извлечь, сам ящик уничтожить термическим способом. Данные должны быть у нас через семьдесят два часа. Время пошло, Илья. Пакет с координатами точки эвакуации я скину вечером.

Вопросы?

Илья посмотрел на свои руки. Кожа уже начала покрываться мелкой липкой испариной. — Почему мы? Для такой работы обычно посылают чистых спецов-инфильтраторов, а не нашу штурмовую группу. — Потому что там уже никого нет, — отрезал Рогов. — Ни спасателей, ни дипломатов. Там джунгли и пара тысяч ублюдков с автоматами. Нам нужен результат, а не красивые рапорты. Выполняй.

Связь оборвалась.

Док тяжело вздохнул, доставая из аптечки шприц-тюбик. — Семьдесят два часа в зеленке при харматтане... Добро пожаловать домой, мальчики. Кто первый на прививку от смерти?

Глава 2. Брифинг на пластиковых ящиках

Игла вошла в вену с легким щелчком. Док выдавил содер-

жимое шприц-тюбика, бросил пустую пластиковую оболочку в мусорный пакет и протер место укола проспиртованной салфеткой. — Артемтер внутримышечно — это гуманно, —

пробормотал медик, разминая затекшую шею. — Через час начнет ломать кости.

Будет казаться, что малярия уже здесь. Это нормально. Иммуитет пугается химии. К вечеру будешь как огурчик, только зеленый и в пупырышку.

Илья кивнул, растирая плечо. Холод от лекарства начал расползаться по сосудам. Он

подошел к столу и ткнул пальцем в красную точку на экране планшета. — Квадрат

Дельта-четыре. Двадцать километров отсюда по прямой. Но прямых дорог тут нет.

Якут, докладывай по рельефу. Снайпер подошел ближе, опираясь руками о стол. Его

пальцы были перемазаны оружейным маслом. — Прямая ведет через «Аллею

Слонов». Широкая просека под ЛЭП. Открытое пространство на два километра. Если

Картель или Фронт выставили там наблюдателя с биноклем, нас подсветят еще на

подходе. Минометы накроют минут за пять. — Значит, лесом? — спросил Бурят, проверяя натяжение ленты в ко-

робке пулемета. — Лесом хуже, — отозвался Седой, который, оказывается, вовсе не спал, а внимательно слушал разговор сквозь

прищуренные веки. Старик сел, хрустнув суставами. — Там низина. Из-за харматтана

влажность упала, трава сейчас сухая, как порошок. Местные идиоты жгут ее каждую

неделю, чтобы выгонять зверье. Сплошной сухостой. Один окурок — и мы окажемся в

духовке. Плюс мины-лепестки. Их там после девяностых набросано больше, чем

камней. Придется идти вдоль русла пересохшей реки. Дно каменистое, следы

останутся, но хоть не изжаримся заживо.

Рогов упомянул об исключении контакта. В Африке эта фраза означала лишь одно: если вас увидели — стреляйте первым. Илья перевел взгляд на Якута: — Что со

связью? — Глушат наглухо, — снайпер кивнул на свой рюкзак, где лежали антенны. —

Правительственные используют старые советские Р-123, повстанцы забивают эфир

мусором на детских рациях. Наш шифрованный канал продержится минут десять,

потом нас запеленгуют. Работаем на длинных волнах короткими импульсами. По

графику — выход каждые четыре часа. Если тишина —

значит, работаем молча.

Док достал потертую алюминиевую коробку, раскрыл ее. Внутри, переложенные ватой, лежали стеклянные ампулы и блистеры таблеток. — Аптечки индивидуалки я перебрал. Промедол просроченный, брать смысла нет — просто отравитесь.

Антибиотики широкого спектра — цефтриаксон, курс на семь дней каждому.

Обезболивающие — кеторолак. И самое главное, — он вытащил тяжелый черный

прибор размером с мыльницу, — радиозащитные костюмы нам никто не дал, так что

вот. Репеллент. Дэта. Старая, советская, концентрация почти сто процентов. Комары

здесь переносят не только малярию, но и лихорадку Денге. Скусаят — температура

под сорок на сутки выключит любого из вас лучше пули. Мажьтесь каждые три часа.

Лицо, шею, руки. Одежду тоже. Пахнуть будете дустом, зато живой вернетесь.

Бурят громко фыркнул, открывая мятую пачку галет: — Главное, чтобы львы не

испугались запаха. У меня тушенка есть, говяжья, воронежская. Две банки.

Поделюсь, когда совсем худо станет. — Тушенку оставь

на крайний случай, — отрезал

Илья. — Она тяжелая, а воды на себе много не унесем. Переходим на сухой паек

местного производства. Муса! Водитель, до этого момента тихо копавшийся в

двигателе своей «Тойоты» во дворе, заглянул в ангар. — Да, командир? — Нужна вода.

Литров тридцать. И информация. Кто контролирует броды через реку Змеиную

севернее плантации? Муса почесал затылок, сдвигая бейсболку на лоб: — Броды...

Сейчас сезон засухи, река превратилась в лужи. Проехать можно везде, но пешком

придется прыгать по валунам. Северную излучину держит Мукунда. Тот самый, которого называют полулюдоедом. Любит жарить пленников на шомполах от АК.

Веселый парень. Если услышите бой барабанов — бегите сразу, переговоры он не

ведет. Южнее — зона ответственности Алмазного картеля. Эти белые ублюдки любят

ставить растяжки на базе старых советских ПОМЗ-2. Кольев не жалеют. Прошлой

неделе мой двоюродный брат наступил. Теперь у него одна нога короче другой на

пятнадцать сантиметров. — Принял. Выступаем через полтора часа, как стемнеет.

Группа, проверить снаряжение. Берем только то, без чего нельзя убить врага или

выжить самим. Никакого лишнего железа. Якут — ты идешь налегке, максимум БК для

винтовки. Седой — возьми дополнительный шнур детонатора, вдруг придется валить

мосты. Все лишнее скидываем в синий ящик, Муса посторожит. Вопросы?

Вопросов не было. Каждый знал свою работу слишком давно, чтобы тратить время на

лишние разговоры. Это была механика выживания, отработанная годами в Чечне, Сирии и Судане.

Через час ангар опустел. На столе остались стоять четыре открытые жестяные кружки

с остывшим кофе. Илья надел разгрузку. Система Molle привычно легла на плечи, распределяя вес магазинов, гранат и радиостанции. Автомат АК-104 с укороченным стволом и тактическим фонарем удобно лег в ладони.

Он вышел на улицу. Харматтан усилился. Солнце превратилось в тусклое фиолетовое

пятно. Воздух стал плотным, скрипящим на зубах. Видимость упала. Из кабины

«Тойоты» высунулся Муса: — Ехать недалеко, километра три. Дальше дорога завалена

сгоревшим трактором, иначе бы подвез прямо до точки. Высажу вас в сухом русле.

Оттуда ножками. — Сколько времени? — спросил Илья, подтягивая ремни разгрузки.

— Полседьмого. Через двадцать минут солнце рухнет за горизонт мгновенно. Как

лампочку выключат. У вас будет минут десять сумерек, потом глаз выколи. Успейте

занять позиции до темноты.

Они погрузились. «Тойота» кашлянула сизым дымом и тронулась, подпрыгивая на

ухабах. За рулем сидел человек, который чувствовал эту землю кожей. Муса вел

машину практически вслепую, ориентируясь только по силуэтам мертвых деревьев на фоне багрового неба.

Ехали молча. Сквозь щели в самодельных дверях летела красная пыль, оседая на

форме серой коркой. Илья смотрел на проносящийся мимо пейзаж. Развалины

деревни, сожженной полгода назад. Остов автобуса, изрешеченный пулеметными

очередями так сильно, что напоминал дуршлаг. Одинокая женщина с вязанкой дров

на голове, которая даже не обернулась на звук мотора. Для них война была просто

погодой. Неприятной, смертоносной, но неизбежной.

Машина резко затормозила. Муса заглушил двигатель. —

Приехали, — прошептал он.

— Руссло вон там, за теми баобабами. До места падения самолета оттуда ровно два

часа хорошего хода. Если побежите — минут сорок. Но вы же умные мальчики, бежать

не будете. Шумите меньше. Мукунда слышит шаги за километр. — Спасибо, старик, —

Илья кинул ему на колени свернутую пачку долларов, перетянутую резинкой. — Если

через трое суток не выйдем на связь — уезжай. Не жди. — Я подожду день, —

серьезно ответил Муса. — Больше не могу. Бизнес стоит. Да хранит вас ваш русский

бог, ребята. Здесь он вам понадобится больше, чем автомат.

Группа выпрыгнула из кузова. Земля ударила по подошвам глухим стуком. Сухое

русло реки встретило их запахом гниющих водорослей и влажной прохлады. Небеса

над Нгвандой погасли.

Глава 3. Засада на сорок втором километре

Темнота в Африке не наступает — она падает. Как бетонная плита. Илья щелкнул

тумблером ПНВ (прибора ночного видения) на шлеме, и мир окрасился в мертвенно-зеленые тона. Контраст стал абсолютным: выжженная до звона земля казалась

черной бездной, а сухая желтая трава саванны светилась ядовитой флуоресцентной зеленью.

Двигались «шахматным» пешим порядком. Впереди Якут с ночным прицелом на винтовке, за ним Илья, замыкающим — Бурят с пулеметом. Док нес медицинский ранец, Седой контролировал тыл и сканировал землю металлоискателем на предмет растяжек. — Слева шевеление, — прошелестел голос Якута в гарнитуре. Голос был абсолютно спокойным. — Двести метров. Кабаны или люди? Тепловизор молчит, фонит от земли. — Ждем, — одними губами ответил Илья, падая на одно колено и сливаясь с выгоревшим кустом акации. Он вскинул автомат, прижался щекой к теплому пластику приклада. Перекрестие коллиматорного прицела замерло на темном пятне метрах в ста левее маршрута. Пятно оказалось стадом бородавочников. Три тяжелые туши протрусили через их траекторию, хрюкая и взрывая носами сухую корку земли. Когда звук стих, группа продолжила движение. Сердце билось ровно, адреналин держал лихорадку Дока на расстоянии.

До координат падения оставалось около километра. Илья поднял сжатый кулак — сигнал остановки. Группа мгновенно растворилась в траве. Впереди, там, где русло реки делало крутой изгиб, возвышался холм из красной термитной глины. Идеальная точка для наблюдателя. Илья достал из подсумка бинокль со встроенным дальномером. Оптика была хорошей, западной, но линзы сразу же покрылись тонким слоем красной пыли. Он аккуратно протер их специальной салфеткой. — Наблюдатель на одиннадцать часов, — доложил Якут. — Сидит на дереве. Старый АКМ, без оптики. Курит. Выдох дыма вижу четко. — Снимаем? — Рано. Если он пропадет, те, кто внизу, всполошатся. Пусть сидит. Они начали обходить холм по широкой дуге, заходя с подветренной стороны, чтобы запах сигаретного дыма не выдал их присутствие. Земля здесь была твердой, утоптанной сотнями ног. Местные использовали это русло как тропу контрабандистов. Первый щелчок раздался неестественно громко даже сквозь фильтры активных наушников. Не сухой треск сломанной ветки, а резкий,

металлический звук капсуля-воспламенителя. «Клеймор», — пронеслось в голове у Ильи за долю секунды до взрыва.

Яркая белая вспышка слева ослепила приборы ночного видения. Тугая ударная волна

швырнула командира лицом в красную пыль. В ушах зазвенело так, что казалось, череп сейчас лопнет. Автомат вылетел из рук. Секундное замешательство стоило бы

им жизни, если бы не рефлексy. — К бою! — прохрипел Илья в ларингофон, выплевывая песок. Барабанные перепонки, кажется, выдержали.

Пространство перед ними взорвалось огнем. Из густой желтой травы, которую они

считали пустой, поднялись фигуры. Не меньше десяти человек. Они не бежали, они

шли быстрым шагом, ведя огонь длинными очередями от бедра. Стволы трассеров

чертили огненную паутину прямо над головами залегшей группы.

Якут отработал первым. Его СВ-98 кашлянула глухо, почти интеллигентно. Зеленый

силуэт впереди идущего боевика дернулся назад — тяжелая бронебойная пуля

калибра 7,62 отбросила его на спину. Но на место упавшего тут же встал следующий.

— Фронт! Народный фронт! — крикнул Бурят, вжимаясь

в землю за поваленным

баобабом. Короткая очередь его «Печенег» перечеркнула двоих, пытающихся

перебежать фланг. Третий споткнулся, схватившись за ногу, но продолжил ползти, волоча за собой гранату.

Это была классическая L-образная засада. Их ждали. Знали маршрут, знали время

выхода. Значит, утечка произошла еще в штабе, на этапе планирования вылета
транспортника.

Док работал профессионально. Он не стрелял. Пока остальные сдерживали накат, медик перевернул раненого новичка — того самого парня, которого они выбрали

вместо погибшего Седого две недели назад. Осколок мины разворотил ему бедро, кровь хлестала пульсирующим фонтаном. Док набросил жгут-турникет, затянул его

одной рукой, зубами разорвав упаковку с гемостатическим порошком, и засыпал

зияющую рану. — Давление падает! — прохрипел он. — Потеряем его через минуту!

Илья перекатился за остов сгоревшего джипа, неизвестно как оказавшегося посреди

русла. Магазин пуст. Он рывком сменил рожок, чувствуя, как мокрая от пота форма

липнет к раскаленному бронежилету. Нужно было ломать дистанцию. Сидеть на

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.